

Вернувшись с пышной свитой в свою временную резиденцию Хэцин и выслушав с тяжёлыми вздохами похвалу Цин Чжана, Фэн Мин, за которым следовали трое телохранителей, подавляя зевок, в итоге направился в свои временные покои.

Три служанки уже давно все глаза проглядели^[1] и при появлении князя на пороге, охая и ахая, поспешили его встречать, окружив заботой.

— Князь Мин, виделись с этим устрашающим принцем Цин Ли?

— Он злился?

— Встречались ли с принцессой Чан Лю?

— Много ли было на банкете гостей?

Служанки, щебеча, расспрашивали Фэн Мина, не давая даже возможности ответить хоть на один вопрос, более того, общаясь с Цю Лань и остальными девушками, Его Светлость старался обойти их, чтобы протиснуться в комнату.

Оказавшись, наконец, в своих покоях, Фэн Мин с огорчением обнаружил пустоту вместо Жун Тяня.

На что Цю Лань отозвалась:

— Государь разве не говорил? Он занят важными делами и вечером навряд ли вернётся.

Жун Ху вторил:

— Князь Мин на сегодняшнем банкете продемонстрировал огромную мощь, дабы отстоять благородный облик государя.

Служанки только что позаботились о князе, переодев и помыв его, но даже в этой суматохе Его Светлость множество раз поворачивал голову в разные стороны, едва успевая отвечать, правда, девушки знать не знали о случившемся на банкете споре, поэтому услышав слова Жун Ху, тотчас же обрушились с новой волной расспросов.

Сегодняшней ночью охранять Фэн Мина должен был Жун Ху и, изначально намереваясь остаться, он сидел в комнате, так или иначе ничем не занимаясь, потому между делом рассказывал произошедшее во всех подробностях.

Только узнав, что князь на банкете показал себя^[2] во всей красе, Цю Лань и близняшки тотчас же одновременно воскликнули в восхищении.

Но Фэн Мин всё же заметил мрачный вид Цзы Яня:

— Ого, почему мне кажется, что тебя что-то гложет[3]? Цзы Янь, что-то случилось?

Разве мог молодой генерал поведать Фэн Мину свои тайные заботы, поэтому, решительно покачав головой, блёкло вернул:

— Ваш подчинённый не так часто принимает участие в банкетах, наверное, устал с непривычки.

На пороге появился один из головорезов рода Сяо и, обратившись к князю, доложил:

— Молодой господин, прибыл человек по имени Кун Лю, который называет себя подчинённым даньлинского принца Хэ Ди.

Цзы Янь едва заметно изменился в лице, став ещё печальнее. Фэн Мин же наоборот, поменяв своё мнение насчёт Хэ Ди и найдя его довольно хорошим союзником, при упоминании о визитёре немедля рассмеялся:

— На самом деле он, наверное, пришёл побеседовать насчёт договорённости. Ой, но я едва разделся, а сейчас снова нужно переодеваться.

Головорез рода Сяо остановил:

— Молодой господин, этот человек сказал, что уже поздно и не стоит беспокоить молодого господина. Вот только он сообщил, что принц Хэ Ди обеспокоен сделкой между обеими сторонами и желает, чтобы специальный посланник как можно раньше прибыл к нему, дабы хорошенько всё обсудить, прошу молодого господина согласиться.

Князь посмотрел на Цзы Яня, который в душе кипел от злости и тихо скрежетал зубами, но, заметив на себе взгляд, молодой генерал вновь скрыл гнев и, немного подумав, обратился к Фэн Мину, сложив руки в знак почтения:

— Это дело Вашего подчинённого, — блёкло вымолвил он, — прошу князя Мина поручить его этому подчинённому.

Ведь, действительно, Цзы Янь нёс ответственность за подобное, и поэтому лучше и правильнее было бы позволить ему разобраться с создавшимся вопросом.

Более того, Фэн Мин на банкете умственно и физически вымотался, ослаб и неизбежно устал.

Поддавив небольшой зевок, Его Светлость кивнул:

— Хорошо, тогда поручаю это дело тебе.

Цзы Янь развернулся и направился к выходу, но как только он оказался у дверей, внезапно услышал голос князя:

— Цзы Янь.

Молодой мужчина обернулся, Его Светлость догнал его и с заботой добавил:

— Хоть Хэ Ди является нашим союзником, вот только он сейчас проживает в резиденции Цин Ли, с которым ты можешь столкнуться где угодно. А Цин Ли ко мне весьма враждебен, тебе следует быть осторожным, так как он может навредить тебе. Нет, я лучше напишу Хэ Ди с просьбой хорошенько о тебе позаботиться. Цю Юэ, принеси мне кисть и тушечницу...

В голове молодого генерала пронеслось: «Нужно быть крайне осторожным не с Цин Ли, а с этой ядовитой гадюкой, Хэ Ди», а вслух отказался:

— Князю Мину не стоит беспокоиться, Ваш подчинённый часто выполняет указы государя, отправляясь на разные поручения, поэтому Ваш подчинённый давно уже научился заботиться о себе. Князь Мин, Ваш подчинённый немедля удаляется.

Поклонившись князю, молодой мужчина не колеблясь ушёл. В комнате остались, кроме Фэн Мина, Жун Ху с несколькими служанками. Поскольку дело касалось Жун Тяня, телохранители — Жун Ху и Ло Юнь — недавно договорились, что снаружи караулит Ло Юнь, а в помещении останется силэйский охранник.

Поначалу Фэн Мин планировал дождаться возвращения Его Величества, но с наступлением глубокой ночи даже тени Жун Тяня так и не появилось, а веки всё больше смыкались.

Цю Лань, заметив эти мучения, заботливо предложила:

— Князю Мину сначала нужно поспать, государь может прийти только с рассветом.

Печальный вздох сорвался с губ:

— Пожалуй, дождусь, тогда смогу спокойно уснуть. — И, по-прежнему сидя около свечи, Фэн Мин подпёр щеки руками.

Цветущей весной[4] глубокие ночи больше всего располагали ко сну.

У Его Светлости, хоть он упрямо ждал Жун Тяня, веки всё же сомкнулись, а голова постепенно

наклонялась и вскоре полулежала на руке, почти касаясь поверхности стола.

Цю Лань и близняшки, смотря на Его Светлость, и то тихонько поджали губы. Подойдя ближе, Цю Юэ взяла ярко горящую свечу и перенесла в другое место, свет померк, позволяя Фэн Мину погрузиться в глубокий сон.

— Князь Мин, князь Мин? — шёпотом позвала Цю Лань, но, заметив, что он не двигается, девушка поняла — князь, скорее всего, заснул, после чего махнула рукой, подзывая своего супруга.

Жун Ху, словно кот, беззвучно подошёл и, тихонько взяв припавшего к столу князя на руки, с особой осторожностью перенёс и аккуратно положил на кровать.

Неизвестно, сколько проспал Фэн Мин, но сквозь сон почувствовал, как что-то тянет его волосы. Вяло напрягаясь, князь слегка передвинулся и, неизвестно почему внезапно вспомнив, что ждёт Жун Тяня, вздрогнул от испуга. Также непонятно откуда появились силы, и, сонно сев в кровати, Его Светлость начал растирать глаза.

— Как я мог уснуть?! — распахнув веки, Фэн Мин вновь ахнул и сказал со смехом:

— Ты вернулся?

Жун Тянь поймал руку, которой князь только что тёр глаза:

— Малыш, я был крайне осторожен, боясь потревожить твой сон, как ты пробудился?

— Я ждал тебя-а.

— А-а, понятно. — Силэйский государь с улыбкой на лице приблизился ко лбу и в знак поощрения поцеловал, а потом сгрёб князя в объятия: — По слухам, князь Мин на сегодняшнем банкете во дворце Тун продемонстрировал свою мощь, в очередной раз позволяя всем узреть мастерство князя Мина из Силэй.

На что Фэн Мин с восторгом сильно выдохнул:

— Как тебе так скоро стало известно?

— Не стоит забывать, этот император сегодня вечером специально уходил кое с кем встретиться.

Всё ещё сонный князь оцепенело моргнул и вспомнил, что Жун Тянь изначально расспрашивал о старом придворном министре Хэ Юаньцзяне, который сегодня тоже присутствовал на банкете; если Жун Тянь виделся с ним, то, конечно, таким образом узнал о случившемся.

— В конце концов, почему Хэ Юаньцзян? Хм, он же сейчас является официальным послом Силэй и чиновником Тун-эра, который его и поставил на данную должность. Могло случиться так, что при встрече глубокой ночью он подослал бы к тебе убийцу, а сам бы скрылся? — Фэн Мин, удобно устроившись, как на подушке, на груди Жун Тяня, с важным видом подставился под большую ладонь государя Силэй, который поглаживал его шею.

Сам же Жун Тянь, довольный от подобного поведения любимого феникса, ответил:

— Как раз наоборот. Он выказал крайнее почтение этому императору.

— Э? Почему?

Ущипнув Фэн Мина за кончик носа, Жун Тянь подразнил:

— Почему смыслённый князь Мин каждый раз при встрече с этим императором обнажает столь глупую мордашку, а пошевелить мозгами лень?

Его Светлость с очень серьёзным видом вернул:

— Я сегодня очень много шевелил мозгами ради твоего указа «О равной милости», приложив огромные усилия. А сейчас мне разве нельзя отдохнуть? Ах, кстати, я сегодня такой послушный, могу ли просить о награде?

— Конечно, этот император сегодня ночью может очень пламенно и страстно любить тебя.

— Не согласен! Моя очередь быть сверху!

— Каждый раз по окончании соития ты жалуешься на боли в пояснице.

— У меня всегда мало шансов, поэтому каждый раз стараюсь до боли в спине, словно ученик, которому нельзя играть в компьютерные игры, и он от случая к случаю, разумеется, играет всю ночь. Если ты мне позволишь быть сверху чаще, то, ручаюсь, я перестану перегибать палку и спина болеть не будет.

Слегка покусывая губы князя, Жун Тянь лукаво улыбнулся:

— Движения до боли в пояснице не удовлетворят этого государя, а без больной спины этому императору позволишь совсем заскучать. Предпочтительнее будет, если этот император всё же возьмёт инициативу в свои руки, по крайней мере, это может удовлетворить нас обоих, верно?

Озорные императорские руки, нырнув под нижнее бельё, стали ласково поглаживать тело Фэн Мина, даря ласку в сто двадцать раз больше, тем самым разбив на тысячу осколков весь боевой дух, в итоге князю ничего другого не оставалось, как, пользуясь государевой «заботой», недовольно фыркнуть:

— Тиран.

Прижав своё колено к бедру Жун Тяня, князь поторопил:

— Ты ещё не дорассказал о Хэ Юаньцзяне.

— Рассказ во всех подробностях тебе наскучит, во всяком случае, о делах, творящихся внутри Силэй, которые почти подтвердили предположения министра. Мы пока не пойдём на них войной, как раз Тун-эр вместе со своими людьми сами себя загрызут, так как императорский двор разделился на несколько фракций: Тун-эр и выдвинутые им люди — это одна группа, генералы вместе с Тун Цзяньмином — другая, а защищающие этого императора, которых Тун-эр снял с должностных чинов, основали свою группу, её сейчас притесняют крайне жестоко, большая их часть, живущая в столице Силэй, в страхе коротают дни, боясь выйти из дома и переживая, что Тун-эр найдёт повод убить их.

На что Фэн Мин по-прежнему состроил очаровательный взгляд:

— Белолицый[5] Су Цзиньчао, этот избалованный знатный сынок[6], конечно же, находится в группе выдвиженцев Тун-эра. Но к какой фракции относится Хэ Юаньцзян?

— Он относится к крайне забавной группе колеблющихся старых министров.

Прямолинейный Фэн Мин без церемоний ткнул пальцем в плечо Его Величества императора Силэй:

— Эй, подробнее объясни, а не заставляй этого князя Мина транжирить свои мысли, дабы угадать твои головоломки.

— Тебе вот сразу объясни, ты слишком нетерпеливый слушатель. — Ещё сильнее стиснув Его Светлость в объятиях, Жун Тянь кончиками пальцев скользнул под ткань, обследуя и с удовольствием наслаждаясь мягкостью и гладкостью трепетного тела, и медленно стал объяснять: — Такие старые министры, как Хэ Юаньцзян, изначально долгие годы служили официальными чиновниками и, конечно же, обладают многолетним опытом, но они не смеют открыто противостоять Тун-эру, потому что их позиция шаткая, а поскольку Тун-эр взыскал штраф с непоколебимо преданных моих министров, оставшиеся старые министры были вынуждены послушно поддакивать ему, тем самым сохранив своё стабильное положение.

— Верно, ни в коем случае нельзя заменять всех старых министров, во всяком случае нужно оставить нескольких.

— Вот только все эти старые министры, и Хэ Юаньцзян среди них, сейчас испытывают к Тун-эру неприязнь, которая растёт с каждым днём, поскольку последний и его новые молодые министры обладают легкомысленностью, более того, этих знатных отпрысков из-за созданных ранее проблем отказывались выдвигать на ответственные посты, а сейчас они внезапно стали занимать высокие должности, потому и относятся ко всему своевольно и заносчиво, совершенно не уважая почтенных старых министров. А Тун-эр, этот государь, зачастую благоволит[7] новым молодым чиновникам.

Фэн Мин, вероятно, что-то поняв, протянул «м-м» и вновь подавил зевок. Увидев своего феникса полусонным, государь осознал, что князь через силу разговаривает, и, заботливо его поцеловав, мягко проговорил:

— К подобным мелочам вернёмся позже, сначала тебе надо хорошенько поспать.

— А через несколько минут шёпотом добавил: — Я могу, после возвращения официального посла Хэ Юаньцзяна, отовсюду проникнуть в Силэй.

От страха Фэн Мин резко пришёл в себя и широко распахнул глаза.

— Ты хочешь проникнуть в Силэй? — воскликнул князь, а сам подумал: «А если Тун-эр тебя схватит, ты обречён на смерть!»

На что Жун Тянь невозмутимо кивнул:

— Поговорив с Хэ Юаньцзянем, я в основном понял настоящее положение в своей стране. Мощь Тун-эра с каждым днём слабеет, по словам Хэ Юаньцзяна, поступки Тун-эра становятся всё бесчеловечнее, министры в своих домах, что получили от предков, крайне напуганы. Если мне удастся вернуться в Силэй и тайком связаться с прежними старыми министрами, то я, безусловно, получу отличный результат.

При мысли, что Жун Тяню крайне опасно пробираться в Силэй, в душе Его Светлости всё перепуталось, словно клок пеньки[8]. Вот только за всё то проведённое с Жун Тянем время он многое повидал и понимал, что в словах государя действительно есть здравый смысл. После долгого молчания Фэн Мин всё же проронил:

— Ты и впрямь хочешь так поступить?

Несчастный княжеский вид заставил молодого мужчину растянуть губы в улыбке.

— Жун Тянь, я пошлю с тобой Жун Ху, его людей и впридачу Ло Юня.

— Не беспокойся, Силэй является территорией, которая подчиняется мне, столица и императорский дворец мне знакомы, как никому другому, потому беды не случится. А если ситуация между старыми министрами и министрами Тун-эра обострится, то это лишь на пользу

моему положению, но перед тем, как отправиться в Силэй, я планирую разобраться с кое-каким делом.

— С каким делом?

Жун Тянь снова кончиком пальца коснулся милого носа любимого феникса:

— Догадайся сам, министр сказал, что тебе необходимо много думать.

— Ты приплёл министра, чтобы надавить на меня?!

— Послушный мальчик, но если подумать, сегодня ночью я всё же хочу доставить тебе удовольствие, приятно играя на сяо[9], ну так как?

Фэн Мин покраснел, словно созревший помидор[10], и, раскрыв рот, пристально уставился на возмутительную улыбочку Его Величества, но спустя долгое время безуспешных попыток придумать, как следует отругать его, князю пришлось выплунуть лишь несколько слов:

— Да кто тут хочет?! Ты такой надоедливый развратник и тиран[11]!..

Прошептав, князь по-серьёзному начал рассуждать, бормоча:

— Что намереваешься провернуть, чтобы позволить конфликту усугубиться?

«Если бы я захотел обострить ситуацию между министрами и людьми Тун-эра, как поступил бы?» — прокручивал князь в голове, вспоминая исторические драмы, которые когда-то смотрел. — «Чтобы усугубить конфликт, требуется какой-нибудь случай или поступок, способный внезапно вспыхнуть, как порох, который может сдетонировать от подожжённого фитиля. Но какой «фитиль» поджечь в стенах императорского дворца Силэй? Убить взятым взаймы ножом[12]? Да?»

— Брать взаймы... Убить взятым взаймы ножом! — сказал Фэн Мин, в глазах которого тотчас же промелькнули искорки, и подумал: «Неужели правда...»

— Ну что, придумал?

Фэн Мин поднял голову, поразмышляв ещё немного, казалось, князь замешкался, и, почесав щёку, не слишком уверенно прервал молчание:

— Угу... Жун Тянь, не планируешь ли ты уничтожить этого типчика рода Су?

Радостно обняв Фэн Мина, государь крепко его поцеловал и похвалил :

— Ты действительно смыслённый! Мы мыслим одинаково. Только подумав об этом, нахожу подобную мысль весьма занятной — два официальных силэйских посла вместе отправились в Тун, а в результате молодой Су Цзиньчао умирает, а дряхлый Хэ Юаньцзян, наоборот, живым возвращается в Силэй. Тун-эр решительно использует данную ситуацию и осудит Хэ Юаньцзяна, группа старых чиновников громогласно от имени Хэ Юаньцзяна взовёт к справедливости, а поскольку обе стороны давно таят обиды друг на друга, сила будет очень велика, и они решительно восстанут против друг друга, тем самым предоставляя нам шанс, которым мы и воспользуемся. — И добавил, не вдаваясь в большие подробности: — Надеюсь, Тун-эр вновь озлобится и загонит наших старых министров в безвыходное положение, и тогда хотят они или нет, но примут указ «О равной милости» и также будут вынуждены примкнуть ко мне.

— Но в таком случае крайне жаль Хэ Юаньцзяна, по возвращении его наверняка возненавидит Тун-эр и, кто знает, может быть, он убьёт старого министра. К тому же, Су Цзиньчао хоть и отвратителен, но всё же не заслуживает смерти.

— Мой Фэн Мин и впрямь очень мягкосердечен. — Жун Тянь ласково потёрся об него, параллельно глубокий голос Его Величества наполнился магнетизмом: — Любая жизнь ценна, верно?

Фэн Мин обомлел. Ведь кто бы мог подумать, что Жун Тянь так скоро узнает о словах, прозвучавших на сегодняшнем вечернем банкете. Вот только, хоть речь и являлась по большей мере импровизацией, однако сказанное действительно отражало правильную точку зрения самого князя. Потому Его Светлость с серьёзным видом кивнул.

Жун Тянь, недолго поразмыслив, тихо вздохнул:

— Хэ Юаньцзян кажется старым и болезненным, однако он совершенно не является фигурой, которую можно легко уничтожить, он, в конце концов, много лет служит чиновником, потому Тун-эр не сможет ни коим образом взять его под стражу. Давай сделаем так: мы не убьём Су Цзиньчао, а схватим его и тайно привезём сюда, где позволим тебе надрать ему зад, хорошо? Он ведь на банкете напрашивался на конфликт, надоедая и проявляя непочтение к тебе?

Князь снова обомлел. Его Светлость понимал, что время от времени его «женское милосердие»[13] вызывало смех и совершенно не вписывалось в обстановку, где царил политика и дворцовые интриги. Именно поэтому он испытывал невероятную теплоту к такому чуткому и спокойному человеку, как Жун Тянь.

— Правда?

— Конечно.

Вскрикнув, Фэн Мин крепко обнял силэйского государя, добровольно, безудержно одаривая бесконечными поцелуями, но потом с недоверием спросил:

— Но похитить Су Цзиньчао гораздо сложнее, чем убить. Жун Тянь, ты действительно хочешь ради моего глупого мнения сделать такой выбор?

— Кто посмел сказать, что мнение моего князя Мина из Силэй глупое? — ласково глядя на любимого феникса, Жун Тянь тихо улыбнулся. — Происхождение не делится на ранги, любая жизнь ценна, жизнь должна быть яркой, замечательной и полной радости. — После чего силэйский государь блёкло спросил: — Фэн Мин, ты понимаешь, какое огромное влияние окажет твоя речь на будущие поколения?

Пребывавший в растерянности князь покачал головой.

— Ты мою равную милость истолковал как империю, о которой все люди Поднебесной только мечтают. Когда произнесённая тобой речь на банкете во дворце Тун разойдётся по всем государствам, только тогда поймёшь, насколько важными являются твои слова. Фэн Мин, твоя речь — это будущая политика Силэй, которую я уже признал. Если я смогу объединить весь мир, то она станет и мировой политикой тоже.

Князь был ошеломлён с ног до головы.

Это ведь... шутка, да? На самом деле, без раздумья прозвучавшая на банкете речь являлась лишь его мнением, не более.

На достойном и выдающимся лице юноши не было даже тени смеха, сплошь серьёзность.

— Фэн Мин, все одиннадцать государств разрознены на протяжении сотни лет, за это время были выдающиеся государи, мечтавшие об объединении мира, но в конечном счёте у них не было возможности исполнить задуманное. Почему? Не хватало могущества? Армии? Или недостаточно было провианта? Враг слишком сильный попался? Зная, что вступлю на престол, я с того момента стал размышлять над этой проблемой.

В ночной тиши Жун Тянь, обхватив двумя руками любимого феникса, впервые, словно близкому и доверенному соратнику по оружию, шёпотом рассказывал о переживаниях, что таились глубоко в душе.

— Когда встретил тебя и услышал твоё мнение, которое часто срывалось с твоих губ, я, наконец, образумился. Имея лишь могучую армию, нельзя объединить мир, даже если дерзкий император присвоит всё силой, временно объединив страны, когда наступит старость, в конце концов, он не сможет подавить всевозможные беды, и мир в очередной раз расколется. Нам, возможно, не хватает силы, которая заставила бы мир быть единым целым. Понимаешь?

С необычайной нежностью мужчина губами коснулся княжеского лба, прикрытого чёрными мягкими волосами.

На что Фэн Мин крайне скромно ответил:

— Не понимаю.

— В тебе есть эта сила, Фэн Мин, — сказал Жун Тянь. — Твои слова, твоё мнение, которого придерживаешься, бережное отношение и любовь к жизни — это и есть огромная мощь. Только умелое и полное уважение к жизни вызовет у народа Поднебесной и сведущих людей искреннюю поддержку. Прорывная, современная и замечательная государственная политика способна навечно объединить мир.

Широкие глаза Его Светлости слегка прищурились, словно Фэн Мин сейчас о чём-то размышлял, и, долго почёсывая затылок, он наконец проронил:

— Но правящие дома и знать всех стран никогда не согласятся.

— Конечно, нет. Но они всё же являются малой частью, а большая часть людей — это простой народ: необходимые для сражения рядовые солдаты, отвечающие за провиант земледельцы — все они выходцы из простого народа. К тому же даже среди правящего дома и знати есть немало сведущих людей, обладающих горячей кровью[14], они могут согласиться с твоим мнением.

— С моим мнением?

— Конечно, с твоим, — сжал княжеское ушко Жун Тянь. — Сейчас это моя государственная политика.

— Хм, Жун Тянь, раз уж моё мнение такое ценное...

— Так?

— Так можно мне сегодня ночью доставить тебе удовольствие? Это позволит моей жизни стать немного ярче и замечательней!

Захочетав, Жун Тянь перевернулся на ждущего с нетерпением Фэн Мина, придавливая того к кровати:

— Первую часть фразы этот император пропустил мимо ушей, а вот вторую — князь Мин, не волнуйтесь, этот император позволит твоей и без того яркой жизни стать ещё ярче и замечательней.

— У-у... Протестую! Нгх-ах Жун... Жун Тянь, ты... Эй, одежду не рви, её Цю Юэ сшила! У-ум...

Яркая и замечательная глубокая ночь началась.

Примечания:

[1] В оригинале используется 盼穿(àn chuān qiūshuǐ) — пань чуань цюшуй — которое имеет другую форму 望穿(wàngchuān qiūshuǐ) — ван чуань цюшуй — означающую «все глаза проглядеть (быть в нетерпеливом ожидании)», «ждать с нетерпением».

[2] 出头(dàchū fēngtóu) — да чуфэнтоу — выделяться способностями, быть заметным, показывать себя.

[3] В оригинале фраза звучит как «сердце (внимание) находится не здесь», обр.: отсутствующий (мыслями), рассеянный, невнимательный, поглощённый своими мыслями.

[4] 浓春(nóng chūn) — нун чунь — если переводить по-иероглифно, то один из вариантов перевода получится «крепкое вино».

[5] 白脸(báiliǎn) — байлян — термин из китайского театра, означающий белую маску — грим отрицательных персонажей; букв. «белое [загримированное] лицо», подразумевающее ампула злодея.

[6] Подразумевается «ребенок из богатой семьи», «золотая молодёжь».

[7] 袒(piǎntǎn) — пяньтань — будд. обнажать правое плечо (в знак благоговейного уважения); снисходительно относиться к кому-либо.

[8] 心乱如麻(xīnluàn rú má) — синь луань жу ма — «в душе всё перепуталось, как клок пеньки», обр.: находиться в состоянии крайнего смятения.

[9] Жарг.: делать минет.

[10] 柿子(shìzi) — разг. «помидор», но также можно перевести как «хурма».

[11] Фэн Мин называет Жун Тяня 昏君(hūnjūn) — хуньцзюнь — «безголовый император»; «невежественный (несправедливый) царь (правитель)»; бран. «тиран».

[12] Обр. в знач.: загребать жар чужими руками; делать грязную работу чужими руками. Отсылка к 3-ей стратагеме.

[13] Иронично о мелком благодеянии, о женской гуманности.

[14] Перен. горячий, страстный; пылкий; воодушевлённый.

<http://bllate.org/book/13377/1190250>